

помогаем фонду

ЮГРА В БЕДЕ НЕ БРОСАЕТ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД им. АНТОНА КУЛЬШ

ДВЕРЬ В ЛЕТО

ВТОРОЙ СБОРНИК
проект Таши Калининой

ВРЕМЯ СВЕТЛЯЧКОВ

Таша Калинина

**Время светлячков. Дверь
в лето. Проект Ташы Калининой**

«Издательские решения»

Калинина Т.

Время светлячков. Дверь в лето. Проект Таши Калининой /
Т. Калинина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646372-1

Самый простой способ вернуться в лето — прочитать тёплые истории людей, в чьих душах всегда светит солнце. Вместе с авторами сборника «Время светлячков. Дверь в лето» вы побываете в разных уголках Земли, переживёте множество эмоций, сделаете немало открытий и, конечно, вспомните своё лучшее лето.

ISBN 978-5-00-646372-1

© Калинина Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
МАРШРУТЫ	7
Сказ о том, как две девицы за женихом ездили	8
Из одной страны в другую – через Алтай	11
Золотое кольцо почти даром	13
Вдохнуть воздух прошлого	19
На шаре, на Кубе	20
Золотая песня золотого озера	25
Потеряшка в большом городе	29
Путешествие в город детства	30
Байкальская валюта	34
Путь Сантьяго: жизнь в миниатюре	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Время светлячков. Дверь в лето

Проект Таши Калининой

Составитель Таша Калинина

Дизайнер обложки Марина Успенская

Корректор Марина Успенская

Иллюстратор Ксения Башкова

© Марина Успенская, дизайн обложки, 2024

© Ксения Башкова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-6372-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы сейчас держите в руках эту книгу, значит пришло время взглянуть жизни в глаза – увидеть, какой она бывает разной: яркой, солнечной и не очень, наполненной детским смехом и не до конца прожитыми печальями, сбывшимися мечтами и разочарованиями. Это – и ваша жизнь тоже. Почти наверняка истории, рассказанные авторами сборника «Время светлячков: дверь в лето», найдут отклик в вашей душе и вернут воспоминания. Разные, как и сама жизнь.

И знаете, что еще важно? Все эти истории – правда. Они прожиты в разные годы разными людьми, а сегодня бережно вынуты из кладовых памяти, чтобы вы тоже смогли вспомнить что-то своё и убедиться – в вашем мире тоже случаются чудеса и сильные чувства. А может быть, чья-то история вдохновит на перемены и приключения?

Спасибо за то, что посчитали важным потратить свои деньги не на кофе с десертом, а на книгу, написанную такими же обычными людьми для того, чтобы все вместе – и авторы, и читатели – мы смогли сделать маленькое доброе дело: все деньги, которые сборник зарабатывает на продажах онлайн-версии, будут перечислены в пользу благотворительного фонда «Югра в беде Не бросает». Возможно, это самый главный урок, который может преподнести чтение, – вместе мы учимся быть людьми и жить с открытым сердцем.

Берегите себя.

Таша Калинина, автор идеи, писатель, журналист

МАРШРУТЫ

Сказ о том, как две девицы за женихом ездили

Екатерина Лиханова

1.

Моя подруга увлекалась рыбалкой и решила меня приобщить к этому приятному, по её мнению, времяпрепровождению. Я долго отказывалась и пряталась, потому что ценю комфорт и не готова сидеть в камышах ранним утром, ждать, когда клюнет рыба, безостановочно отмахиваясь от мошкары.

При встрече с подругой я убегала на другую сторону дороги; уезжала жить в другую страну; улетала на Марс, но она была непреклонна.

Во что бы то ни стало подруга хотела затащить меня в секту рыбалкопоклонничества.

В поисках компромисса мы решили поехать в деревню.

«Ах, деревня летом – лЯпота!» – подумала я, саркастически кривя брови дугой, в то время пока подруга, захлёбываясь от восторга, рисовала мне все прелести деревенской жизни.

И дом там со всеми удобствами есть, и баня с берёзовыми вениками, и речка голубая рядом, и ягоды в огороде, и даже сосед молодой, красивый, мускулистый в наличии – заливалась соловьем подруга.

И крепость моя пала.

Я кинула в сумку пару купальников, крем для загара, подумала и кинула ещё пачку презервативов. Ну а как же?

Я за безопасный загар.

Мы ехали в полном комфорте: автомобиль с кондиционером, шампанское и лёгкая музыка из динамиков. (НЕТ).

Мы ехали на старом дребезжащем микроавтобусе, в который плотно набились люди:

женщина с тремя детьми,

пожилая семейная пара,

старушка с корзинами,

группа подростков.

В корзинах у старушки кудахтали куры. Дети постоянно что-то делили и салон автобуса наполнялся детским плачем. Пожилая пара громко обсуждала «поганку Нельку». Дед плохо слышал и время от времени вскрикивал: «А? Чегой говоришь-та?»

Подростки на задних сидениях веселились и громко матерились. Периодически женщина или старушка, сидящие впереди салона, оборачивались и кричали на них: «Замолчите, поганцы!».

Нам достались места в середине автобуса – между двух огней, между Сциллой и Харибдой, между молотом и наковальней.

А оливка в этой безумной солянке – водитель автобуса, оказавшийся фанатом группы «Тату».

Небо уронит ночь на ладони!

Нас не догонят! Нас не догонят!

Небо уронит ночь на ладони!

Нас не догонят!

Нас не догонят!

Нас не догонят!

Нас не догонят!

Нас не догонят!

– фальцетом несло из динамиков, смешиваясь с воплями детей и гоготанием подростков. Автобус на скорости 100 км/ч вспахивал пыльную дорогу и прыгал на ухабах, увозя меня всё дальше от городского комфорта. Незабываемые ощущения, скажу я вам.

Через два часа мы вывалились из автобуса пыльные, вонючие, потные, грязные, но радостные, что наконец-то поездка закончилась. Однако моя радость быстро улетучилась, потому что от остановки до самой деревни идти пешком ещё несколько километров.

Я была обессилена, морально и физически, и всё равно упорно шла вперёд, невзирая на боль в ноге, не обращая внимания на пот, заливающий лоб. Шла, как путник в пустыне, подгоняемая надеждой. Я видела миражи, от которых открывалось второе дыхание: дом на берегу голубой речки и сосед – молодой, красивый, мускулистый – протягивает мне лукошко с ягодами.

2.

«Ну всё! Пришли» – слышу я и постигаю дзен ужасное разочарование. Картинка, нарисованная в моей голове по рассказам подруги, и реальность никак не хотели синхронизироваться. Ощущение, что меня обманом заманили в это ужасное место, накрыло медленным липким потоком.

Дом со всеми удобствами – это покосившаяся избушка, а все удобства в конце огорода. Речка оказалась не голубой: из-за песка вода приобрела серовато-коричневый оттенок. Три куста неухоженной смородины – вот и вся ягода.

Я осторожно ступила на крыльцо и со всей силы вцепилась в перила, когда под моей ногой застонали доски. Показалось, что земля разверзлась, увлекая меня в пучину ада.

– Я хочу обратно! – мой безумный крик спугнул деревенских собак. Под громкий лай я опустилась на ступени, тихо бормоча под нос:

– Когда рейс в город? Когда?

– Послезавтра, – ответила подруга, протягивая мне большую алюминиевую кружку.

Успокоительное вино в большой алюминиевой кружке начало действовать и я всё-таки вышла на берег не голубой реки. Зря, что ли, купальник с собой взяла? Подруга о чём-то оживленно беседовала с молодым, красивым, мускулистым соседом. Они смеялись, жестикулировали, выглядели вполне счастливыми и не заметили меня.

«А ведь сосед действительно молодой, действительно красивый, действительно мускулистый», – подумала я, наблюдая за ними поверх большой алюминиевой кружки. Хотя в чём-то слова подруги оказались правдой.

Зачем я согласилась на эту авантюру...

Мне нестерпимо захотелось домой и нестерпимо захотелось расплакаться. Я отхлебнула вина из большой алюминиевой кружки, и в этот момент услышала радостное: «Представляешь, Олег может отвезти тебя в город! Сегодня!».

Старенький ИЖ-5 нёсся по гравийной дороге, выплевывая из-под колёс брызги из камней и песка. Я тряслась в люльке мотоцикла: было неудобно и некрасиво в зелёном круглом шлеме, в котором моя голова выглядела как арбуз. Только радость от того, что я скоро окажусь дома, помогала мне не обращать внимания на эти неприятности. Подруга сидела позади

молодого, красивого, мускулистого соседа, а её руки крепко сжимали его торс, нежно сминая хлопковую ткань белоснежной футболки.

– Ты не останешься в городе? – полувопросительно-полуутвердительно сказала я подруге, неуклюже выбираясь из цепких лап мотоциклетной люльки. Ответ я уже знала, ибо только слепой не увидит искр, которые вспыхивали в воздухе между этими двумя.

– Нет, – начали они хором и рассмеялись, а подруга продолжила:

– Мы завтра пойдём...

– На сомов, – закончил молодой, красивый и мускулистый сосед.

«Рыбак рыбака видит издалека» – старая пословица крутилась у меня в голове, пока я смотрела вслед рычащему мотоциклу.

А через полгода мне пришло приглашение на их свадьбу.

Из одной страны в другую – через Алтай

Александр Лилявин

Раз пять я был на Алтае. Один раз водил группу детей, а остальные – дикарями. Два раза сплавлялся по Катунь.

В первый поход мы собрались втроем – я, Костя и Лёпа, мои друзья – посмотреть гору Белуху.

Из Томска выехали на поезде до Бийска. Это было начало августа 1991 года. Ехали спокойно. От Бийска – на автобусе до Горно-Алтайска. Автобус выходил часов в семь утра, касса открывалась в четыре. Мы с вечера заняли очередь. На вокзале просто все на полу лежали. И потом в автобусе шестнадцать часов стоя, как селёдки в банке.

Доехали до деревни Тюнгур. Дальше населённых пунктов нет. Кто-то рассказал, что вот уже Китай, а вот – Монголия. И горы.

Мы приехали после шести вечера. Километров пять прошли, и стало темно. Мы сделали остановку. И привязался к нам пастух. А у нас была фляжка спирта. Так он у нас почти всё выцыганил, «сказки» рассказывал про местных, обещал медвежьей желчью.

Интересно, что все, кто нам попадались на пути, какой бы национальности не были, – все здоровались. И русские, и немцы. Видел детей алтайцев, а они с разноцветными волосами, интересно было смотреть, необычно.

И так целую неделю в пути: день – идёшь, ночь – отдыхаешь.

Когда подходили к Телецкому озеру, то нужно было перейти перевал. На высоте даже уши глохли – такая тишина! И как будто деревья не колышались. В самой верхней точке на перевале было невероятно! Я держался за тонкое дерево и где-то далеко внизу озеро, а с другой стороны – лес. И это всё далеко подо мною.

И много таких штрихов. Шли по тропинке – видели кусты малины. И почти всю дорогу сильно ощущалось, как воздух спирает лёгкие. А в самом озере до чего леденящая вода – зубы чистить невозможно было. Из Телецкого неглубокий ручеёк бежал, и мы в нём между валунами купались. Гора тоже очень впечатлила – большая, красивая. Она на другом берегу Телецкого озера, и туда другой путь.

Иллюстрация: Ксения Башкова

На озере мы пробыли три дня. В первый день Лёпа готовил еду, а мы с Костей поднялись выше – посмотреть, там малина была. Собираем и едим. Вкусная, крупная, а рядом с нами медведь ест ягоду. Мы так бежали, что кубарем скатились. Когда вернулись к палатке, то сразу и стемнело. А ночью, когда все спали, к нам приходил этот медведь. Я проснулся, а он вокруг ходит, рычит, палатка ходуном, котелки все наши проверил. Было очень страшно.

На вторую ночь рысь приходила, разодрала столб – оставила свою метку. Но мы спали как убитые. Наутро обнаружили много следов и решили за ней проследить – глупые были. Рысь, конечно, не нашли, но высоко поднялись в горы в своих поисках.

Когда обратно спускались, мы с Костей по пути грибы собирали. Мы спустились, а Лёпы нашего нет. Уже темно стало. Пожарили грибы, переночевали вдвоём. Утром Лёпа так и не вернулся, поэтому мы решили отправиться в путь – у всех встречных спрашивали, не видели ли они нашего друга. Наконец-то кто-то сказал, что видел. Мы с Костей пошли, куда люди подсказали, и нашли нашего Лёпу возле костра. Он всю ночь просидел возле какого-то дерева, а вокруг глаза, десятки глаз – дикие звери рядом бродили.

На пятый день у меня воспалился глаз – конъюнктивит. Ничего не помогало. И снова встретились нам какие-то прекрасные люди в пути – дали тетрациклин. Сразу полегчало и помогло.

Дорога обратно была быстрее и легче. И когда ехали в автобусе, мы узнали по радио, что Советский Союз закончил своё существование. Поверить было невозможно. Но уже на железнодорожном вокзале стало понятно, что происходит что-то непонятное. На обратный поезд не было билетов. В итоге ехали на третьей полке, где чемоданы должны лежать.

На Алтай мы в тот раз поехали дикарями и, как в фильме «Три плюс два», решили не бриться. Поэтому когда вернулись в Томск, отправились к Лёпе бриться. Родителям своим я не говорил, куда собирался, они думали, что я на сборах.

Золотое кольцо почти даром

Марина Успенская

«Мир не без добрых людей»
Народная мудрость

«Ой, девки, сидели бы вы дома», – произнёс мой друг, наблюдая, как я собираю рассыпавшиеся по полу шарики от подшипника. Скорбно-комичным зрелищем выглядели наши сборы: поезд через несколько часов, а мы только учимся разбирать и собирать велики, теряем запчасти, пытаемся впихнуть в малюсенькие рюкзаки побольше вещей. Бабушка и мама сидят с зелёными лицами и ничего уже не советуют – все доводы иссякли за неделю уговоров. Я стараюсь не поддаваться всеобщему тревожному страху, коряво отшучиваюсь: «Что за зал прощания? Мы же в отпуск едем. Отдыхать». Бабушка не выдержала, запричитала: «Нормальные люди отдыхать в санатории ездят. А вы... Две молодые девки, одни, на каких-то дорогах, в лесу... Прибьёт какой маньяк, и косточек не найдёшь». Моя недавняя эйфория скисла, наплывала тревога. А ведь какое яркое либретто задумано! Вдвоём с подругой на велосипедах проехать по Золотому кольцу, пусть и «малому» на первый раз – от Владимира до Москвы.

Я, надо признаться, девушка абсолютно не спортивная. И велосипеда своего нет. Отрывая от сердца, дал на время один друг, не подозревая даже, какие испытания ждут его конягу. Тяжеленный такой велик – совсем не для хрупкой девушки, но иного выбора не нашлось. У подруги Наташки велосипед получше, со скоростями. Мы сами сшили чехлы, чтобы перевозить на транспорте, разработали маршрут, нарисовали карту передвижения. Всё. Только бы скорей очутиться в поезде! И вот комфортных 33 часа в купейном вагоне позади, и Золотые ворота Владимира перед нами: два дня праздного шатания по достопримечательностям средневековой столицы Руси и сибаритствования в дорогом номере гостинице – чем не санаторий?

Настоящее путешествие началось на рассвете третьего дня. Предстояло проехать тридцать пять километров до Суздаля. Первые сорок минут передвижения показались нам адом. Крутые подъёмы. Ветер в лицо. То холодно, то жарко. Дорога – сплошные рытвины. У меня бесконечно слетала цепь.

В Борисове мрачная женщина вынесла нам молоко. Мы пили из банки по очереди. Я загляделась, как пила Наташа: полузакрыв глаза, неспешно, грациозно откинув голову. Белые струйки стекали с губ, на носу поблёскивали бусинки пота и радужные блики. Мрачная женщина невольно улыбнулась, глядя на девушку – её тоже очаровала эта картина. Она не взяла с нас деньги и только перекрестила на дороге.

В планах у нас было сделать крюк и заехать к церкви Покрова-на-Нерли, но мы сбились с пути, попали не на ту своротку, и крюк получился совсем не тот – накрутили лишних десять километров. Очень расстроились, что планы нарушились, и попилили дальше.

Суздаль возник перед нами как-то неожиданно – мы уже счёт потеряли часам и километрам – и сразу же очаровал своей естественной прелестью. Это было царство ослепительного белого цвета: побелённые стены церквей, белые платочки и кофточки старушек, белые гуси. И золото куполов, делающих эту белизну ещё насыщенней. Мы зачарованно прохаживались по улочкам городка, пока нас не заметила какая-то пожилая женщина. Она безошибочно угадала в нас туристов и предложила ночлег. Недорогим ночлегом оказалась узкая койка на двоих в чуланчике.

Взяв с нас предварительно оплату и провожая на прогулку, тётя Нюра с неодобрением заметила: «Девушки вы ладные, только вот в штанах в церкву грешно ходить». «Не беспокойтесь, тётя Нюра, – сказала я, выживая из рюкзака мятые юбки, – у нас всё, что нужно по правилам, имеется», – и приложила юбку к талии. Но тётя Нюра опять поморщилась: «Коленки-то прикрыть надоть». У Наташи юбка была длиннее, и это понравилось нашей хозяйке, как и сама Наташа. Моя подруга вообще всем нравилась: высокая, статная – кровь с молоком, чернобровая, с тугой косой ниже пояса. Настоящая русская красавица с обложки журнала «Крестьянка». Эта красота не раз помогала нам решать проблемы. Так, взмахнув Наташкиной косой, мы получили номер в гостинице во Владимире.

...Рядом с нашим домишкой – архиерейские палаты и Рождественский собор. Место чудное. Колокола звонят каждые полчаса на разные лады. Подумали, что в Суздале наверняка большинство населения тугоухих. Устав от экскурсий, обилия информации и оглушительного звона, решили уйти подальше, на окраину. Далеко за городом обнаружили тоже огромное количество церквушек. Многие были заколочены. В одну, деревянную, залезли через крышу, рискуя жизнью, и очутились в сумрачной прохладе потустороннего мира. Церковь, видимо, была в процессе реставрации. Обнаружили много икон, сложенных одна поверх другой прямо на прогнившем полу, много церковной утвари. Всё рассматривали с благоговением. Неожиданно на нас обеих напала истома, мы прилегли на лавки, и тут же сон сморил нас. Очнулись поздно ночью и решили, что возвратимся в город утром.

Это было последнее утро в Суздале, надо было двигать дальше – девяносто километров до Иванова.

Тётя Нюра встретила нас с какой-то заискивающе-виноватой улыбкой на лице.

– Мы выезжаем, тётя Нюра, спасибо за приют, – сказала я, начиная сборы. – Стоп, а где наши рюкзаки?

Хозяйка растерянно захлопала ресницами.

– Так это... я думала, вы съехали, ночевать не пришли...

– Как это съехали? Вещи тут, велосипеды тут. Где наши вещи, тётя Нюра?

– Так это... – она затряслась в смутении и стала неловко махать руками в сторону засаженного окошка, – может, Мишка мой взял?

Мы поглядели через окно во двор, где Мишка – муж тётя Нюры, старый опустившийся алкоголик, развалился прямо на поленнице, совершенно невменяемый. Там же валялись наши рюкзаки. Мы выбежали на улицу, пошарили в наших котомках – вещи на месте, скомканные, а денег нет. Все усилия растрасти Мишку не имели успеха. «Не меньше недели, а то и месяц такой будет. Он у меня запойный», – со слезами в голосе проговорила тётя Нюра. Мы тоже заплакали немного – это были почти все наши деньги на весь отпуск, пятнадцать запланированных дней. Какая-то часть их, правда, оставалась в кармане широкой Наташиной юбки, только на это и приходилось сейчас рассчитывать.

Ровно в девять утра под звон часов на башне архиерейских палат мы, немного потускневшие, продолжили наше путешествие.

Дорожные трудности были всё те же: июльское пекло и вместе с тем ветер, ужасно сильный – в лицо, горки. Я на спуске упала, и колесо стало, кажется, квадратным. Добавилось мученье – дополнительные тычки в и так уже отбитое, отнюдь не мягкое место. Часто отдыхали. В Торчино добрая женщина накормила нас парным коровьим молоком с булками. В Курилихе напились козьего молочка. По дороге останавливались, швыряли велики и падали в густую траву, лежали пластом, постанывая. Попалась река Раёк – действительно маленький рай: водица светлая, студёная, с пескарями на мелководье. Купались долго, с наслаждением.

В Иваново я сразу побежала на телеграф звонить маме. Связь была плохая, и я орала в трубку, как говорится, «во всю ивановскую»: «Мам, не волнуйся, у нас всё замечательно. Ну, просто трудности с деньгами... Да, потеряла... Нет, не все. Вышли, пожалуйста, в Кострому до востребования, мы там будем дня через четыре... Не переживай, протянем как-нибудь». Когда я вышла из душевой будки, все на меня сочувственно смотрели, невольно оказавшись свидетелями моих проблем. А один мужчина подошёл и протянул десять рублей (это хорошие были на те времена деньги): «На первое время, пока свои не получите». Я ошалело уставилась на него и попыталась отнекаться. Но добрый рыцарь был настойчив. И скромнен – удалился, мило улыбнувшись. Спасибо тебе, великодушный человек. Меня вдохновил его поступок, и впредь всегда стараюсь быть щедрой к людям.

Разжившись денежкой, решили завернуть на знаменитый Плёс. О, Плёс – отрада души моей! Ожившее полотно Левитана. Милый провинциальный городок, превращающий любого обывателя в художника или поэта. Три прекрасных дня мы упивались тишиной, утончёнными красотами природы, ночным пением соловьёв, дышали ароматами полевых цветов, ели копчёных лещей и сладкую местную черешню, катались на лодочке, плескались в Волге. Нам и в этот раз повезло: семья из Новгорода, приехавшая неполным составом, презентовала нам за просто так лишних два места в маленькой гостинице. И ещё познакомились с колоритным дядечкой – рыжим-рыжим, и он целый день катал нас на своём катере в кедровую рощу и в другие красивейшие места.

Отдохнув по полной, мы легко мчались по разбитой российской дороге на наших уже раздолбанных великах. Проплывают рощицы, покосы, пшеничные поля, мелкие деревеньки, беспечные коровы, жующие изумрудную траву. Хочется орать или петь от ощущения счастья и свободы. Добавил восторга дождик – тёплый, с солнцем, с радугой, умыл наши разгорячённые лица.

Очень хотелось есть. В деревнях сердобольные бабушки выносили нам из своих ветхих домишек молоко, хлеб. Милые добрые женщины, без вас мы бы совсем пропали. Но за целый день всё равно так изголодались, что, подъезжая к Костроме и учуяв соблазнительные запахи какой-то придорожной столовки, не договариваясь зарулили к объекту вожделения. Глотая слюну, примостились на скамейку у входа. Из храма общепита вышла дородная женщина. Она закурила, поглядывая на нас.

– Столовая закрыта, – наконец сказала она.

– Да у нас всё равно нет денег, – призналась я.

Женщина после недолгого молчания вдруг предложила:

– У нас тут свадьба заказана на шесть, а Нюрка, зараза, загуляла. Я одна не справляюсь. Если хотите, посуду помоете и потом ужин вам устроим.

Мы согласились. Свадьба была немногочисленная, но всё равно тарелок, рюмок были горы. Приходилось ещё и блюда подавать, и со столов убирать, и за швабру хвататься. К двенадцати ночи всё закончилось, и мы сидели перед изобильным столом. Но настолько устали, что есть, как ни удивительно, уже не хотелось. Тогда Галя завернула нам всё в газеты и положила в большую матерчатую сумку, даже увесистый кусок торта. Потом помялась немного в сомнениях и протянула трёшку.

В Костроме прямо с утра побежали на главпочтамт в надежде получить кучу денег, но увы, перевода не было.

– Мам, – снова кричала я в трубку на местном телеграфе, – ты деньги выслала?

– Конечно, почтовым переводом.

– Мамааа, почему почтовым? Он же сто лет идёт. Телеграфом надо! Вышли снова, в Ярославль, мы там послезавтра будем.

Жалкий вид наших велосипедов говорил об острой необходимости ремонта. Когда мы нашли ближайшую автомастерскую и рекомендованного нам дядю Пашу, тот, взглянув на велосипеды, только протяжно присвистнул и произнёс непечатный текст в наш адрес. Он долго отмахивался: «Да ни за какие деньги!» Но Наташка – ох, как неожиданно для меня – вдруг проявила другую сторону своей натуры. «Павел, – нежно прошелестел её мягкий голос, – а у нас и нет денег. Но очень, о-очень надо». В доказательство Наташка изящно повела загорелыми плечами, два раза закатила глаза и улыбнулась томно и обещающе.

Велики – сверкающие, словно новые, промасленные, с упругими колёсами – мы получили на следующий день. Отблагодарили дядю Пашу тремя литрами разливного пива из ларька и отправились дальше.

В Ярославле нас принял на ночлег первый секретарь обкома партии Анатолий Александрович (ну вот так). Обедали-ужинали со всем семейством за большим дубовым столом, покрытом скатертью. Множество разнокалиберных столовых приборов, царственная осанка хозяйки и напряжённое молчание сбивали с толку.

Перевод от мамы мы опять не получили: на почтамте случился форс-мажор – возгорание из-за короткого замыкания, и учреждение решило не работать несколько дней. Ну, какие-то высшие силы явно умышленно чинили нам препятствия. С домашнего телефона я снова звонила маме и просила переслать деньги уже в Ростов Великий. Ситуация или смешная, или печальная. Вспомнился отец Фёдор из книги Ильфа и Петрова.

Мы уже и не страдали из-за отсутствия денег, даже азарт появился выкручиваться. Ночлег и еда как-то сами собой появлялись, музеи и выставки мы умудрялись посещать, нахально внедрившись в группы экскурсантов. Научились без чувства неловкости принимать помощь участливых людей, коих на нашем пути встретилось немало.

Вот и в Ростове нам посчастливилось познакомиться с уникальным человеком. Принявший нас на постой Василий – историк, поэт, художник в одном лице – обладал грозной внешностью богатыря и светлой душой ребёнка. Про светлую душу мы поняли сразу – как только при первой встрече он озарил нас широкой радушной улыбкой, отдал ключи от своей квартиры в старом купеческом доме и попросил чувствовать себя как дома. Ростов не выглядел Великим – страшное запустение, разруха. Исполинские соборы, потускневшие и осыпающиеся, вызвали жалость, как и люди, живущие в неблагоустроенных, покрытых плесенью жилищах, построенных ещё в 18-м веке. Понравился городской пляж – с утками и козами, и женщинами, полощущими в реке разноцветное бельё.

Наш друг повёз нас в Борисоглебский монастырь, который на то время также пребывал в запустении, и лишь в нескольких помещениях располагались артефакты. Вася являлся директором этой бывшей обители монахов, и нам было позволено свободно расхаживать, где хотели. Монастырские стены, башни, колокольня, музей изразцов – безлюдно, фантастически умиротворённо. Вечер и ночь провели в гостях у местной знаменитости – поэта Илюши. Он читал нам свои стихи, я – Бродского, а матушка Илюши угощала нас вкуснейшей картошкой с грибами. На закате купались в хрустальной Устье. Хотелось остаться в этом прекрасном месте навсегда.

Деньги мы опять не получили – сначала забыли про них, а потом у местной почты были два дня выходных. Но это нас уже совсем не волновало. Тем более, что Вася по доброте своей душевной снабдил нас приличной суммой.

Оставалось за три дня преодолеть маршрут: Переславль-Залесский – Дворики – Сергиев Посад – Москва. Дорога, которая на картах значилась как «дорога союзного значения» или даже «мирового», на самом деле представляла разухабистую колею, крутые подъёмы, лихие спуски. К тому же ближе к Москве наполненность дорог стала в разы больше, больше стало и интереса к нашим запylённым персонам в виде улюлюканья и неожиданных оглушительных сигналов клаксонов. Милые сердобольные бабушки попадались всё реже, а чаще – корыстные дачники, оккупировавшие патриархальные деревушки. Они не то что молоко, воду из колодца бесплатно не давали. Переславль, пожалуй, был последним пунктом, где мы ощутили прелесть великодушия простых женщин с окраин. Тётя Дonya поселила нас в «зале» своей покосившейся усадьбы, задекорированной иконками, рушниками, кружевными салфеточками и ткаными половиками. Мир самобытного рукоделия сиял чистотой и трогательной заботой к каждой мелочи. Из незатейливых припасов тётя Дonya умудрялась мастерить настоящие яства и кормила нас, приговаривая: «Кушайте, кушайте, бедовые вы мои. Как вы такими худыми ногами велосипеда-то крутите?». А вечером учила нас доить нагулявшуюся корову и рассказывала певучим голосом истории из своей нелёгкой жизни.

Мы были в пути уже тринадцать дней, и усталость давала о себе знать. От Переславля до Двориков тащились нехотя и из последних сил. Когда я в очередной раз упала на щербатый асфальт, не хотелось вставать. Молоденький гаишник, решив, что у меня серьёзная травма, подхватил меня на руки и посадил в свою милицейскую машину, дал воды. Мы сказали, что просто сильно устали, и тогда милый страж порядка приказал кому-то доставить наши велики в Сергиев Посад, а сам доставил нас туда же на своей машине. Просто спас!

Троице-Сергиевская лавра сразила нас помпезностью и обилием туристов, благолепных старушек и божьих служителей. Уже не было интереса разглядывать мощи и иконы – столько всего повидали! Сдуру решили креститься – как-то обозначить наше паломничество по святым местам. Обратились к одному из служителей. Тот несколько минут откровенно сверлил масляными глазками наши фигуры, потом увлёк мою Наташку в уголок и стал ей что-то нашёптывать прямо в ухо. Поп был ниже, и ей пришлось склониться. Я увидела, что лицо подруги стало вдруг пунцовым, она отпрянула, жёстко схватила меня за руку и потащила вон.

Чтобы не портить себе впечатления, мы решили не оставаться в Посаде и, собравшись с духом, рванули на Москву – семьдесят километров. Легко получилось преодолеть эти, в общем-то, непростые километры – дорога была очень опасной. Потом ещё километров тридцать колесили по самой Москве в поисках данного нам адреса для ночлега. Наконец нашли. Звоним в дверь, заготовив любезные улыбки: «Здравствуйте, Игорь Николаевич, мы к вам в гости от Махотина (друга, который дал адрес)».

«Привет, – после долгой паузы ответил мужчина, открывший дверь, – только я не Игорь Николаевич и никакого Махотина не знаю». Выяснилось, что пресловутый Игорь Николаевич уже полгода как перебрался с семьёй в другой город, а здесь теперь живёт Анатолий, которого мы и шокировали. Или он нас, потому что мы теперь были в затруднительном положении и собирались было уже ретироваться, но Анатолий любезно предложил пожить у него сколько душе будет угодно. Ну кто скажет, что мы невезучие?!

Анатолий стал нашим гидом на три дня: показывал самые интересные места, катал по Москве-реке, устроил ужин в ресторане, сказал, что мы милые барышни и он с радостью бы женился на любой. Но мне в Москве всё казалось недостаточно ярким – в душе ещё распевали волжские соловьи, разливался сладкий запах цветочных лугов и вкус парного молока. Прощай, Москва! Домой!

Вот такое очаровательное приключение свершилось в мои молодые годы, почти без денег, благодаря великодушью и доброте людей. Наташа спустя годы призналась, что это была луч-

шая авантюра в её жизни. А у меня таких историй было ещё великое множество. Просто всем советую: не отдыхайте в санаториях, даже в старости. Седлайте велосипеды, цепляйте рюкзаки и... мир щедро откроет вам своё многообразие.

Вдохнуть воздух прошлого

Лена Лилявина

Я всем своим существом историк. Ещё в детстве начала интересоваться историей своей семьи. И только в этом году удалось съездить на малую родину мамы. Эта деревня давно перестала существовать, и добраться летом можно только по реке.

Собравшись с родственниками в день Троицы, я аккуратно начала задавать вопросы дяде Серёже, маминому брату, о том, что сейчас на том месте, где они родились, и возможно ли туда добраться. Он без промедления согласился нас туда свозить. Дядь Серёжа любит лес и увлекается рыбалкой, и не раз бывал местах, где родился. С этого момента чувство волнения не покидало меня.

И уже на следующий день, 24 июня, наша компания – мама, дядь Серёжа, моя племянница Анютка и я – отправились в путь. Плыть предстояло на лодке по реке Чулым. Последний раз я плавала ещё в школьные годы, но это было в самом Тегульдете. После весеннего половодья река была ещё большая и мчалась во всю силу в своём направлении, и мы – вместе с ней, по течению. Жаркое солнце и тёплый ветер обволакивали нас. Брызги от разрезания воды лодкой попадали на лицо. По берегам деревья сменяли друг друга, иногда возникали песчаные пляжи. Приближался поворот в протоку. Из-за большого подъёма воды мы его чуть не проехали. Но мама, которая не была здесь столько лет, смогла узнать нужный путь. Было интересно наблюдать за мамой – радость окатывала её приливами, но она держалась спокойно. Мы повернули в узкое из-за деревьев устье Курьи, проплыли дальше ещё минут десять и причалили к берегу. Перед нами возвышался берег, заросший деревьями.

– Это центр посёлка Ергоза, – крикнул дядь Серёжа, – Вот тут магазин, а налево школа.

Было бы именно так, если бы деревня дважды не горела. Все сгоревшие остатки сгребли куда-то тракторами.

Когда мы взобрались на крутую высоту, перед нами раскинулось поле. И правда, ничего не осталось. Мы отправились вдоль берега искать поворот на кладбище. Трава высокая, местами выше меня, и гнус от радости встречи с человеком не знал покоя. Шли и специально разговаривали громко, чтобы спугнуть зверя, мало ли. И вот мы уже дошли до конца старой деревни, а это означало, что мы прошли поворот. Развернулись и снова на поиски, но уже другой тропой. Минувя полпути, смогли найти среди зарослей, где свернуть.

Это тайга, и здесь живёт много зверей. Видели зайца – он от нас упрыгал. Следы медвежонка было интересно рассматривать, но он без мамы не ходит, поэтому мы ещё внимательнее прислушивались к шуму леса.

Пройдя пару сотен метров, мы дошли до кладбища. Нужная нам могилка оказалась сразу во втором ряду. Даже не пришлось искать.

– Здравствуй, бабушка! – выдохнула я.

Это могила моей прабабушки Дарьи Васильевны. Нацарапанную надпись на подгнившем у основания кресте сложно было разобрать. Наверное, кто-то малограмотный писал. А вот у прадедушки надписи нет. Но это точно он, об этом ещё бабушка говорила.

Я ощутила чувство выполненного долга. Думаю, в каком-то смысле нам всем была необходима эта поездка. У Ани – это первое в жизни плавание на лодке. Мама побывала на своей малой родине. В прошлый раз она ездила сюда больше десяти лет назад.

– Мама, дыши воздухом, напитайся силой земли, где ты была ребёнком, – сказала я ей.

На шаре, на Кубе

Алина Кулинич

Конечно, для вас не секрет, что Земля – это огромный шар. Не будем щеголять глубокими познаниями в физике, мол, на самом деле она скорее эллипсоидная и похожа на яйцо. Никто из нас не сможет отдалиться от планеты на достаточное расстояние, чтобы оценить это своими глазами, так что условимся, что мы на шаре. И попрошу вас принять ещё одну условность: у шара есть концы. И уголки. Это сильно усложняет представление о форме Земли, но мы ведь все понимаем, что это условность. Метафора, аллегория, эпитет, сравнение... По сути, то же, что уголки и концы у шара – кто их разберет... Но что это я всё об условностях и шарах, давайте к делу.

Правда, мне придется начать несколько издалека. Впрочем, это к делу ближе, чем форма Земли, не буду оправдываться. Итак, этой весной я вышла замуж. Спасибо за поздравления. Я очень рада, просто неимоверно счастлива. Свадьба была в конце мая. И в этот чудесный день родители подарили нам, молодоженам, свадебное путешествие.

Впрочем, поначалу восторгов больше было у них. Мы с мужем сразу после свадьбы, как порядочные студенты, озадачились сессией (из-за которой, кстати, путешествие началось не сразу). Задачились, задачились, кое-как она прошла мимо нас, и хорошо. Конечно, зацепила нервы неплохо, потрепала, но мы выжили и перешли на следующий этап. Практика. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что предприятие, на котором я её проходила, не занимается тем, на что я учусь. И вот мне пришлось за неделю выполнять месячное задание по теме соседней кафедры, в которой я разбираюсь как танцор диско в балете. Мучилась-мучилась, отмучилась. Спешила: руководитель назначил встречу на вторник, а мне улетать в среду. В понедельник спросила, во сколько подъехать. А руководитель ушёл с понедельника в отпуск.

Иногда я думаю, как же писать книги жизненными? В жизни же скучно всё – идёт и идёт своим будничным чередом. А потом как навалются со всех сторон неурядицы – то одно, то другое, то руки дырявые, то голова. И я вспоминаю, в чём она на самом деле заключается, эта интересность жизни. В этих вот злключениях и есть семя истории.

И в день полёта злключения, конечно, продолжились, несмотря на все наши старания их избежать. Неприятности оказались шустрее.

Мы купили все билеты, скачали все файлы в оба телефона, и даже музыку для полёта я предзагрузила, подумав об отсутствии интернета. И вот мы сели в метро с чемоданом и стали потеть. Вместо положенных тридцати трёх минут, указанных в расписании, мы потели сорок три. Лишний десяток – непредвиденная задержка поезда – нас, впрочем, не расстроил. Лишил возможности успеть на экспресс до аэропорта, но не расстроил. Мы всё предусмотрели, вышли сильно заранее, и успевали на следующем. Всё было хорошо.

Аэроэкспресс пришел вовремя, мы удобно устроились на местах у окна и балдели там под кондиционером, наблюдая московскую жарницу только через толстое стекло. После часа тренировочной нагрузки на попы перед тринадцатичасовым полетом мы перешли в аэропорт. Казалось бы, зарегистрировались онлайн, и это должно было освободить от стояния в одной очереди. Но не тут-то было, ведь нужно ещё сдать багаж. И вот мы с мужем, продуманные и ответственные, встали в очереди на регистрацию, которую уже прошли. Не тащить же теперь чемодан с собой. Покрутились, покружились между стойками, понимая, что стоять наша очередь, как всегда, будет дольше всех прочих... и нас попросили перейти в другую очередь –

с нашей стороны стали закрывать некоторые стойки. И вот мы в новом ряду людей, слушаем детские крики и потираем глаза.

Вставать в шесть утра после четырех с половиной часов сна – то ещё удовольствие, но просто стоять без дела в таком состоянии... Если когда-нибудь меня попросят придумать пытку, она будет именно такой.

Но за каждым злостью приходит передышка. И вот мы благополучно сдали багаж и стали искать, где поесть. Завтрак выдался весьма скудным – в холодильнике мы повесилимышь, чтобы ничего не испортилось за две недели нашего отсутствия. И после долгой дороги на другой конец необъятной столицы животики уже урчали. К сожалению, не только у нас. В кафе, конечно, нас встретила очередная очередь желающих сделать заказ, потом бессмысленное сонное ожидание и, наконец, безвкусные сухие сэндвичи по цене самолетного крыла – всё-таки в аэропорту дело было, как же ещё.

Тем не менее, урчащая пустота в желудке отступила, и это уже радовало. Ещё один коридор, ещё одна очередь, следующий коридор, следующая очередь. Разуться, снять ремни, часы, очки, сумки, головные уборы, убрать телефоны, и в этом разукомплектованном состоянии пройти проверку (уже, пожалуй, раз десятый за день). Открыть сумочку, чтобы её обшарили, рассказать, что спрей – для носа, включить ноутбук, выключить обратно, уложить всё по местам в сумках, а потом укомплектовать обратно себя.

И в новую очередь. Простите, если вы ждали иного сюжетного поворота, но так и было.

Мы топтались несколько часов с другими желающими куда-то отправиться, а сами до сих пор едва ли понимали, что с нами происходит. На другой конец света, в противоположный угол мира, через весь наш шарик (да, вот я к чему вела). Сложно было осознать эту концепцию, заливаясь потом среди таких же очемоданенных бедолаг, зависших на последнем контроле, так что единственным движением осталось переминание с ноги на ногу.

В общем, вперёд-назад в этой последней мучительной очереди никто будто не двигался вовсе. Огромный широкий зал аэропорта заполнили разноцветные футболки, шляпы и сумки. Всё шумело, гудело и толкалось. Одни мирно стояли на месте, не зная толком, куда себя деть, и пытаясь доспать, другие скакали между очередями или занимали две сразу, так что когда у одного подходила, он перетаскивал к себе всю свою огромную семью и оттеснял остальных – тех самых, что стояли мирно.

Мы с мужем нервно смотрели на часы. Оставалось полчаса до конца посадки. Перед нами было несколько человек. Я то скакала на месте, то сдерживала слёзы, то расчесывала руку, представляя, какой ужас нас ждёт, если мы опоздаем. Муж стойко терпел и делал вид, что не раздражён.

Тик-так. Какой тут думать о путешествии, когда оно может сорваться? Тик-так. Ни пальмы, ни океан в голову вообще не шли. Тик-так. Такая ответственность, перелёт через весь мир. Такое и один раз в жизни-то не со всеми бывает, а мы что? Рисуем упустить возможность. Перед нами темнокожий пожилой мужчина, женщина с дочкой и молодая пара вроде нас. До конца посадки пятнадцать минут. На каждого человека тратят минуты по две. Нужно ещё добраться до выхода. К темнокожему мужчине подтягивается вся его семья из трех человек. Я в панике.

Тик-так, дорогуша, тик-так. Стоили того безвкусные сэндвичи?

Тик.

Так.

Десять минут. Муж спрашивает у пары перед нами, во сколько у них вылет. На час позже, чем у нас. Спасибо, ребята. Женщина с ребёнком вовсе через два с половиной. Спасибо

и вам огромное, что пропустили. Да, мы тоже недовольны поведением этого кем-бы-он-ни-был-откуда-бы-ни-приехал.

Я проскальзываю в тоннельчик, даю паспорт в пятый раз за день. Девушка в кабинке не одна. Две симпатичных дамы. Болтают между собой, комментарии отпускают. Та, что нарочито медленно проверяла паспорт, заявляет: «Вам надо поторопиться». Истериически смеюсь. Хочется бросить ей: «Вам тоже», но сдерживаюсь. Тяжёлая работа, конечно. Я знаю. Я понимаю. Я добрая вообще. Пассивно-агрессивно цежу: «Я знаю», – и спешно забираю паспорт. Стоя у выхода из узкого коридорчика, жду мужа. Секунды, кажется, тянутся вечность. У нас минута, а выход, как назло, один из самых дальних. Приходится бежать.

Я чуть не потеряла шляпу, очки, сумочку с деньгами. Да даже платье. Давно так не бегала. Сквозь дьюти-фри магазины, мимо зазевавшихся очемоданенных, мельком поглядывая на указатели к выходам, мы спешили изо всех сил, оставшихся после полусъедобных сэндвичей. Тик-так. Везде вперёд к нашему выходу. Всё дальше и дальше. Опоздание всё вероятнее и вероятнее. Вперёд-вперёд-вперёд, в глазах уже всё размывается, в груди колет от сбитого дыхания, пот выделяется сразу ледяным. Откуда-то справа, как провидение, крик сотрудницы аэропорта. «Окончание посадки на Варадеро!» – будто зная, что мы к ним, зовёт она нас. Да, да, это мы, мы уже здесь! Последние метры, ещё раз паспорта. Несколько пролётов по лестнице, по тоннелю в самолёт.

Кажется, я выдохнула, только когда села в кресло. Даже войти в самолет было мало. И вот, пристегнувшись и тяжело дыша, мы с мужем взяли друг друга за трясущиеся руки. Всё обошлось, всё хорошо. Теперь четырнадцать часов сидеть на этом месте.

За окном огромное крыло. Роскошь. Шедевр инженерной мысли, шевелит закрылками, готовясь ко взлёту, будто огромный зверь разминается. Самолёт живёт и дышит в умелых руках пилотов. Двести пятьдесят тонн металла и груза, сложнейшие системы кабелей, оповещений, контроля приборов, об аппаратуре уж и речи нет.

Как инженер, от авиации не далекий, я понимаю, как это работает. Я даже хорошо помню физику, лежащую в основе воздухоплавания. Но ещё во мне живёт ребёнок. И он каждый раз смотрит в окно на взлёт и думает, как это вообще возможно. Я понимаю, какие законы за этим стоят. Но какой смысл... Как это? Двести пятьдесят тонн посреди неба. Волшебство, не иначе.

Я всегда любила самолёты и находила невероятными. Но раньше мне не доводилось торчать в них четырнадцать часов.

Иллюстрация: Ксения Башкова

Пассажиры спереди, как всегда, попались из тех, кто никогда не был пассажиром, сидящим сзади – они разом все откинулись в креслах, едва самолёт набрал высоту. Места стало меньше, дышать тяжелее. Первый час полёта прошёл, тем не менее, очень быстро. И нам внезапно подали обед.

На закуску был винегрет – салат, который мы с мужем дружно обходили стороной всю жизнь. Ещё можно было рассчитывать на горячее. У ряда за нами был выбор – курица с макаронами или рыба с рисом. Нам просто молча дали второй вариант – курица кончилась. Муж не ест рыбу и недолюбливает рис. Собрали бинго нелюбимых продуктов.

Мрачный вздох и за дело. Вариантов никаких, лететь ведь ещё ого-го сколько. И перелёт дневной, ночью-то хоть поспать можно было бы. Винегрет оказался неплох. К рису с рыбой положили соус, так что муж стойко вытерпел бой с ними и вышел победителем. Напоследок мы оба оставили самое вкусное. Муж булочку разрезал пополам, масло намазал внутрь. Я оказалась не такой изысканной, просто перевернула булку вверх низом и уложила масло туда. Сверху посыпала солью. Так мы сделали из одинакового набора продуктов разные, насколько было возможно, блюда. Грандиозным приятным финалом стал батончик мюсли. Жестковатый, немного приторный, но сказочно вкусный в таких-то условиях.

Посмотрели серию сериала. Попытались поспать, но ровно через пять минут прошла охота, сон больше не шёл. Посмотрели ещё пару серий. Походили, посетили туалет, где кто-то, судя по следам преступления, взорвался. Ещё немного походили. Прошло три часа. Осталось одиннадцать. Поиграли в телефоны, ещё немного попытались поспать. Ещё поиграли, ещё походили. Сделали несколько уставших фотографий. Просто посидели. Послушали музыку и урчание голодных животов. Осталось два часа. Посмотрели ещё несколько серий сериала.

Наконец, сели. Зверь в двести пятьдесят тонн выдохнул устало. Нафаршировавшие его в Москве люди медленно выгрузились в аэропорту Варадеро и сразу... образовали очередь. Коллективно потея, все толпились в большом, но удивительно тесном зале. Впереди не пропускали очередные кабинки с тоннелями. По одному все шли туда, показывали паспорта и медленно уходили дальше – на Кубу.

Мы с мужем устало стояли, теряя с потом остатки сил, которые уже были на исходе после голодовки. Тик-так стал ужасно медленным и долгим. Мы вышли почти в середине потока и всё равно оказались одними из последних, когда очередь стала заканчиваться. Каким-то, верно, волшебным образом, не иначе. Зато не пришлось ждать выдачи багажа – наш чемодан был одним из оставшейся тройки, самый терпеливый маленький страдалец. Выход уже был совсем близко, раздвигающаяся дверь приглашающе распаивалась перед нами, когда нас затормозили и отправили ломаным английским на какой-то очередной контроль: «Туда». Зачем, куда именно? «Туда!». Послушались, прошли «туда» – то есть за ограждение в другой участок зала. Подошла женщина, спросила, зачем мы пришли. Мы сказали честно – не знаем. После недолгого перекрикивания между той, что нас отправила, и той, что приняла, которое мы не поняли, женщина сказала, что у нас всё в порядке, и отпустила.

После усталого вздоха мы, наконец, были на свободе – улица, пальмы, влажная духота. Представительница турагентства возле входа одновременно разбиралась с двумя семьями, которые перепутали чемоданы. Не друг с другом. Снова образовалась очередь. Мы терлись у чемодана, утирали истекающие потом лбы. Пришла ещё одна девушка, отправила нас в автобус. Бедные отсиженные попы снова упали в кресла.

Весёлый кубинец дал нам маленькую экскурсию по дороге, введя в курс дела относительно проблем страны (топливный кризис) и опасностей для туристов (не утоните), а после сообщил время встречи с представителем агентства на следующий день. Нормальным людям,

конечно, досталось время уже после окончания завтрака, в десять или одиннадцать часов, чтобы комфортно было после тяжёлого дня. Наша встреча была назначена на восемь пятнадцать.

Еле отыскав в отеле свой номер, мы буквально ввалились в него. Сходили в туалет и поспешили на ужин, пока он ещё не кончился. В ресторане нас встретил очень колоритный стол – непонятно что в соусе из непонятно чего. Печально пожевав рыбных котлет (муж был не особенно счастлив) и понюхав горькое нечто, оставшееся от ужина к самому концу, мы сошлись во мнении, что не так уж сильно и растолстеем, несмотря на олл-инклюзив. Высоко оценили только лимонный сок – он был в меру сладкий, в меру кислый.

Еле шевеля отваливающимися от усталости ногами, мы вернулись в номер. Выставили будильник на семь часов – чтобы успеть поесть. Посчитали, что не спали уже ровно сутки, и на этой мысли оба отключились.

Позавтракать перед назначенной на восемь тридцать встречей мы, конечно, не успели.

После такого тяжёлого дня и сон был соответствующий, от которого просыпаешься ещё более уставшим. Наутро мы медленно привели себя в порядок, остаток времени извели на покрытие всех тел солнцезащитным кремом, и, наконец, выдвинулись сразу на встречу, понимая, что завтрак упущен.

В ожидании представителя агентства в баре лобби пропустили по стакану химозного апельсинового сока, больше напоминавшего юппи, но очаровательного в своей неестественности. Всяко лучше, чем начинать утро со свежего рома.

Встреча началась с опозданием, в лучших традициях. Мы поднялись в большой закрытый зал с мощным кондиционером. Представительница турагентства начала с самого важного – как нам улетать – и предупредила, что приехать в аэропорт нужно заранее. Она ласково сказала: «Ну вы же понимаете, там работают неспешные кубинцы». Я подумала, что в Москве, видимо, тоже работают кубинцы. Следом за важной информацией мы прослушали целую экскурсию о том, какие есть у них экскурсии. За этот час я успела замерзнуть до боли в колене и страшно заскучать. Ведь я как ответственный турист заранее изучила их ассортимент и уже и так знала, чего хочу, а чего нет. Наконец, мы обменялись номерами и были свободны.

Вернувшись в номер, чтобы оставить вещи и взять полотенца для пляжа, мы решили заглянуть на завтрак. Было уже чуть больше десяти, но нам повезло заскочить в последний вагон уходящего поезда. Морковное пюре в тесте оказалось восхитительным, как и зажаренное в панировке картофельное пюре. Впервые за сутки мы по-хорошему насытились.

Пляж восхитил своей красотой, и я поняла, что ради него можно хоть все две недели питаться одной кукурузой и морковным пюре в тесте. Будто нарисованный, роскошный пейзаж был идеален. Чистейшее небо, блестящая вода, ласковая и самая голубая. Крупный песок, еще не режущий ноги, но уже не мутящий воду, волшебные солнечные блики на коже, тепло и нежность. До меня начало доходить, зачем мы забрались на другой конец света.

Теперь я сижу на балконе, наслаждаясь сладкой влажной жарой, пишу рассказ о своих злоключениях по пути через половину земного шара, которые пришлось преодолеть ради этого момента. И чувствую, как в груди медленно рассасывается комок долго копившейся тревоги и усталости. Я приехала. На шаре, на Кубе.

Золотая песня золотого озера

Анна Еффа

Тёплый день, воздух прогрет горячим солнцем. Я переминаюсь с ноги на ногу, ожидая автобуса, как и остальные. Инструменты в чехлах стоят в одной куче, готовые на погрузку. Ольга Аркадьевна, носится туда-сюда, как истинный организатор поездки, создавая суету. Я, Алинка и Пашка стоим, улыбаясь, и разглядываем окружающих. Я впервые отправляюсь на фестиваль авторской песни, а Алинка и Пашка уже опытные, хотя и младше меня. Они нашептывают мне на ухо – who is who из присутствующих: дуэт, группа, солист.

– А эти женщины, они всегда ездят на все фестивали и поют на сцене песни, – говорит мне Пашка.

И я смотрю на трёх весёлых женщин лет пятидесяти, одна из которых держит в руке маленький бубен, больше похожий на игрушку, чем на музыкальный инструмент. Её волосы кудряшками торчат из-под почему-то матросского козырька.

– А это дядя Костя, он очень красиво поёт, потом сама услышишь, – поясняет Алинка.

И мой взор перемещается на статного мужчину лет сорока.

– А это...

Мне двадцать два года, Пашке – шестнадцать, а Алинке – семнадцать. Люба, подруга Алинки, тоже едет с нами, хотя давно не является членом бардовского клуба, но она всех знает. Илья и Катя стоят, держась за руки. Катя впервые будет петь со сцены, а Илья её поддерживает морально. Катины длинные тёмные волосы спадают по плечам. Люди, люди – новые лица, новые знакомства. Вот чем будут наполнены три дня поездки. Наконец-то подъезжает автобус, и Ольга Аркадьевна велит всем проходить внутрь. Собственно, и то, что Ольга Аркадьевна – Ольга Аркадьевна, мне тоже нашептали Пашка и Алинка.

Два часа в дороге, но я её не ощущаю. Дороги нет, есть только автобус, летящий сквозь небо и время, наполненный голосами, звуками гитар и смехом.

Мы въезжаем в Артыбаш, за окном расстилается широкая река Бия. Мы глядим в оконные стекла и видим Телецкое озеро, уходящее далеко за горизонт, словно море. Автобус останавливается за селом, где всё обустроено для фестиваля.

После целого дня суеты – поездка, расстановка палаток, сооружение самодельного стола из досок и бревён, разведение кострища – уставшие, но счастливые отправляемся взглянуть на открытие фестиваля, что вот-вот начнётся. Сцена в виде радужной открытой ракушки расположена на берегу прозрачного озера. В озере отражается небо, синие горы и весь фестиваль. Будто бы там, в некоем «озёрном» глубинном и зазеркальном мире, тоже проходит «Золотая песня золотого озера». А зрители разместились на небольшом холме. Кто-то лежит, кто-то сидит группкой, кто-то в сторонке репетирует...

– Сынок, ты посмотри, как хорошо, какая красота! – говорит мужчина, сидя на зелёной траве и оглядывая всё вокруг такими же зелёными глазами.

– Па-ап, ну скучно! – чирикает мальчуган.

– Ну подожди, сейчас начнется концерт, и будет интересно!

Илья стоит в широкой шляпе, настраивая свою гитару. Он будет петь на открытии. Илья влюблён в гитару, в мелодии – он пишет песни и живёт музыкой.

Мне на плечи падает олимпийка, я оборачиваюсь, а там Пашка. Он сбегал в палатку и принес нам ветровки и олимпийки. От озера веет прохладой. На сцену поднимается ведущий – начинается открытие фестиваля...

На столе – салатики, шашлыки, конфеты и другие вкусности. Темно так, что хоть глаз выколи. Высоко в небе сияет бесчисленное количество звёзд. Наш стол освещается бликами свечей и костра. Я стою у костра и чувствую счастье – здесь и сейчас, в этот самый миг летней ночи. Искры костра поднимаются струйками и исчезают, словно маленькие феи.

– Ань, пойдем по гостям, – зовут меня Алинка, Люба и Пашка.

Алинка светит фонарём, и мы семеним по ночному лесу. «По гостям» – это значит ходить от палаток к палаткам. Все знакомятся, рассказывая, кто они и откуда. Все добры и приветливы. Каждый зовёт посидеть с ними, хочет угостить. А можно просто постоять рядышком и петь вместе со всеми какую-нибудь песню.

«Воронеж», «Саратов», «Красноярск», «Барнаул» – звучат города. Нет, никогда я не видела столько света в людях, столько музыки и столько тёплого волшебства. А оно стеклось сюда – на берег Алтын-Кёля («Золотое озеро» – перевод с алтайского языка) из разных городов. Разве может кто-то спать в такую ночь? И несутся голоса над лесом, и гаснут феи-огоньки во тьме.

Мы сидим в нашей палатке и поем песни. Любаша засыпает. Алинка, Пашка и я болтаем. У Алинки красивый голос, переливистый и чистый. Паша наигрывает мелодию на моей, черной как эта ночь, гитаре.

– А помнишь, как на «Грушинский» ездили?

– Да, – отвечает Алинка. – Там ещё был этот, как его, ну умный такой-то, с бородой?

– Вассерман, что ли? – вставляю я.

– Да-да, он самый. К нему все подходили, задавали глупые вопросы, а он на них отвечал.

Он и правда такой умный, – вспоминает Пашка.

– Как интересно! Вот бы и мне туда съездить, – говорю я.

– Там было здорово! – резюмирует Алинка.

– У ночного огня-я-я, под огромной лу-у-у-ной! – запекает Пашка.

И мы вторим ему сонными голосами.

Я встаю, выхожу из палатки, раскрываю огромные крылья и, поднимаясь на цыпочки, тянусь вверх. Мне мало места, но всё же я взмахиваю своими крыльями ещё и ещё, взлетая над палаточным лагерем, над искрами, над гладью воды. Высокие сосны превращаются в низкие, а я лечу всё дальше и дальше. Я лечу среди гор и мне так хорошо, так хорошо...

– Ань, вставай! – Алинка теребит меня за плечо.

– А? Что?

Любаша влезает в палатку с зубной щеткой и полотенцем в руках. В палатке душно.

– Ань, иди умывайся, а то проспий прогулку! – говорит Любашка.

– Какую прогулку?

– На катере! По озеру помчим к водопаду! – сообщает Алинка.

Я бегу умываться к раковине, привожу себя в порядок и мы мчимся на берег. Катер уже готов, все желающие побывать на водопаде занимают места. Нас немного, но компания весёлая. Ольга Аркадьевна тоже тут. Ольга Аркадьевна держит в руке большой фотоаппарат, на ней короткие шорты и топ на тонких бретельках. Она похожа на женщину из непопулярных книжных романов, с которой случится какая-то незапланированная влюблённость, а потом рассеется в тумане прошлого. Ольга Аркадьевна говорит громко и звучно. Ей хочется запечатлеть всё – поездку, воду, нас, водопад, катер и брызги от него.

– Так-с, Пашка, ага, давай вот так, – командует она, – ещё чуть наклонись!

«Щёлк!», «Щёлк!», «Щёлк!» – работает фотоаппарат.

– А теперь меня, ага! Камни видно?!

Ольга Аркадьевна зашла в воду по щиколотки, как только мы причалили к другому берегу. Берег покрыт мелкими камушками, которые видны в прозрачной воде озера.

– Вход сто рублей! – сообщает женщина из маленького окошечка. И мы скидываемся на вход для всей компании.

Берег здесь узкий, всего-то и места что для маленького навеса, туалета да вот такого киосочка.

Мы, довольные, идём по ступеням, затем через мостик. Деревья раскинули свои ветви, создавая хоть какую-то тень в знойный день. Поворот, ещё поворот. Баннер с правилами поведения на водопаде, какой-то медведь, точнее изображение. Мы фотографируемся у него, кривляясь и смеясь. Ещё пару шагов. Мы слышим шум, громкий, грохочущий шум. Он рядом. Мы идём, и вдруг нам открывается невероятное – белым потоком вода падает вниз, разбиваясь о скальные, каменные поверхности, разбрасывая брызги далеко вокруг себя. Людей много. Они заходят в воду, а вода – лёд, холодная! Мы с Алинкой бежим к Корбу – знаменитому водопаду, о котором я наслышана с детства. Вот я и увидела тебя, вот ты какой – знаменитый Корбу! Громогласный, голосистый! Ты певец – ты поёшь, среди скал. Поёшь среди тайги. Поёшь свою сильную песню для молчаливой Алтын-Кель.

– Уважаемые гости, эту песню сочинила наша подруга, мы споём её для вас! – произносят со сцены Света и Саша, наши преподаватели клуба авторской песни.

Вечереет. Катерок примчал нас назад за час, полных радости и впечатлений.

Мы поужинали, а теперь сидим на берегу – второй день фестиваля, сегодня конкурсная программа. Разыгрывается главный приз – велосипед. Он стоит на сцене во всей своей красе. Ребята оглядываются на меня, им интересно послушать песню. Мне неловко. Я улыбаюсь, и они улыбаются. Света, Саша и я сегодня сидели на полянке часа два и репетировали мою песню. Саша и Света пытались уговорить меня выйти на сцену, но на меня это наводило лишь ужас. В другой раз – да, в следующий раз я обязательно это сделаю – обещаю мысленно сама себе. Мне страшно даже от того, что текст, который я сочинила, сейчас услышат столько людей. Что надо мной будут смеяться.

«Ну и пусть! – заранее утешаю себя я. – Попытка не пытка!»

– Боишься? – спрашивает Пашка, будто угадав мои мысли.

– Не бойся, всё будет хорошо, – говорит Илья. Когда-то и его песни звучали первый раз на сцене.

Катя и Алина подбадривают меня. И я рада, что они рядом.

«Меж гор Алтая – в царстве голубом...

Раскинул крылья ветер молодо-о-ой,

Летит он, обгоняя облака —

К любимой Алтын-Кель прильнуть щекой...»

Песня несётся над озером, над небом, летит... Все слушают, и моё сердце замирает. Паша наклоняется и спрашивает снова и снова:

– Это ты сочинила? Правда? Это ты? И музыку? И слова?

А я только и повторяю: «да», «да», «ну да».

Алинка улыбается и шепчет:

– Кажется, я знаю, кто поедет на велосипеде домой!

«А красота её пленит сердца,

Туманит взоры чистотой своей.

И песни на устах звучат у тех,

Кто заглянул в зелёный свет оче-е-ей...»

Ночь. Мы сидим с кружками горячего чая. Илья поёт песню о лунной тропе среди звёзд, его белая лакированная гитара играет бликами огня тающих свечей. К нам приходят «гости» – соседи по палаткам. Сегодня вечер комплиментов моей песне. Все думают, что меня здесь нет и эта «неведомая подруга» не приехала на фестиваль. Саша и Света говорят – да вот она, автор песни. Так много слов добра, улыбок, человеческой теплоты...

И нет, я всё же провела поездку в замечательной компании, сидя в автобусе, а не на велосипеде. Но те три дня лета, и музыку, и тепло людских сердец я буду нести в своей памяти долгие-долгие годы.

Потеряшка в большом городе

Лена Лилявина

Это было моё первое путешествие за границу. Решили необычно отпраздновать наши с Сашей дни рождения первого и пятого декабря. Выбрали полёт в жаркую страну Тайланд. Саша там уже был однажды и немного ориентировался.

Купленная путёвка в тщательно подобранный отель недалеко от моря и подоспевший отпуск на новой работе ждали своего часа. Чемодан было интересно укладывать и перекладывать, чтобы влезло всё, что может пригодиться.

Мой первый полёт. Это волнительно – смотреть на наш мир с такой высоты. Удивительной красоты горы и светящиеся в ночи города так и притягивали взгляд.

И вот в свои тридцать три года я впервые на море. Какое же оно ласковое и приветливое, волны буквально искупали меня в своих мокрых объятиях. Жизнь удалась!

Отпуск получился весёлый, насыщенный. Культура просто удивительна своей лёгкостью и глубиной. Настало время сборов домой. За нами приехал трансфер, и осталось забрать ещё несколько человек из отелей.

На одной из остановок Саша решил выйти в магазин. Мы ждали его так долго, что гид начала размышлять о том, как его потом доставить в Россию, поскольку все документы были у меня. Я держалась, не плакала. Ходила по переулку и вышла на набережную улицу в надежде, что он меня увидит. А там толпы людей, они как волны – одна за одной.

И вот я увидела его, а он меня. Он от радости вскинул руки вверх и пошёл навстречу. Что это за чувства внутри меня в тот момент бушевали, сложно сказать. Радость вперемешку со страхом и злостью.

– Саша, что случилось? – кричала я ему, крепко обняв.

– Я никак не мог найти поворот, где стоял микроавтобус. Переулки все похожи. От жары и волнения пот заливал глаза. Как хорошо, что ты вышла навстречу, – выдохнул он. И мы поехали домой.

Путешествие в город детства

Милена Стилл

Лето... Как много планов, впечатлений и событий в этом коротком слове. Конечно, в копилку летних воспоминаний хочется сложить как можно больше всего, что тебя удивило, тронуло или просто заставило вернуться на много лет назад, когда трава была зеленее, а небо голубее, и всё вокруг было большим и привлекательным.

Именно этим летом мне удалось побывать на родине моих предков и в городе, где я родилась. Не скрою, это было очень волнительно, ведь память цепко хранила то, что на сегодняшний день было перестроено, закрыто или снесено. Мне даже потребовалось время, чтобы заново познакомиться с моим родным Котласом, в котором я не была... тридцать лет.

Так как Котлас расположен на правом берегу Северной Двины, самой большой реки русского Севера, то мне ещё посчастливилось покататься на теплоходе, когда река была судоходной. Ведь до деревни, где на другом берегу жили дедушка с бабушкой, из Котласа можно было добраться только на теплоходе.

Мы приезжали из Москвы на железнодорожный вокзал «Котлас-Южный», пересекали большую привокзальную площадь и оказывались возле красивого двухэтажного Речного вокзала, сделанного из стекла и бетона. К причалу вела длинная лестница с несколькими пролётами, в воздухе с криком носились чайки, матросы быстро и умело отвязывали канаты и убирали трапы, а пароходы давали гудок и отправлялись по маршруту, указанному в расписании. Пахло водой, мазутом, смолёными снастями... и романтикой.

У меня до сих пор пробегают мурашки, когда я рассматриваю старые фотографии, на которых запечатлены деревянные пристани, крутые берега и идущие по реке красивые белоснежные корабли.

Несколько лет назад через Северную Двину построили большой автодорожный мост, и надобность в речной навигации отпала, поэтому сейчас мне тяжело было смотреть на неработающий Речной вокзал и пустой причал. Может, со временем навигацию возродят, ведь путешествие по реке – незабываемое событие.

Коль уж я заговорила про мосты, которых в Котласе пять штук: автомобильный, два железнодорожных, пешеходный и Горбатый, то остановлюсь на последнем.

До того, как переехать в Москву, мы жили на улице Набережная в деревянном двухэтажном доме, который находился недалеко от Горбатого моста. Народ очень точно умеет давать названия, поэтому мост, построенный в виде дуги через железнодорожные пути, назвали Горбатым.

Рядом с ним находился большой продуктовый магазин, куда мы с мамой после детского сада зашли за продуктами. Мне было около трёх лет, находиться в магазине, где не было игрушек, а пахло селёдкой, было скучно, поэтому, заняв очередь сразу в несколько отделов, мама поставила меня возле стола для упаковки и попросила никуда не уходить.

Я честно постояла какое-то время возле стола, у которого постоянно толпились незнакомые женщины с сумками, и, нарушив приказ, пошла искать маму. Почему-то я её не увидела и подумала, что она, не найдя меня на оставленном месте, ушла домой.

Стою на том же месте, как в детстве, когда потеряла маму в магазине и самостоятельно отправилась домой. Только Горбатый мост уже новый. Фото: архив Милены Стилл

Я вышла из магазина, перешла дорогу (не знаю, как мне это удалось) и пошла к Горбатому мосту, который в то время был не только пешеходным, но и автомобильным. Дойдя до середины, я остановилась и встала между пузатыми бетонными столбиками, на которых держались перила. Было очень высоко, внизу проезжали поезда, они гудели и грохотали на рельсах. Вот так постоять и посмотреть вниз, было моей заветной мечтой, но мама всегда запрещала, так как это было опасно. Какая-то женщина, проходившая мимо, спросила, где мои родители, и я поспешила дальше, чтобы не привлекать к себе внимания.

Зайдя во двор дома, построенного буквой «Г», я вдруг почувствовала, что мамы здесь нет. Вот тут я действительно по-настоящему испугалась, хотя до этого ощущала себя неимоверно взрослой и самостоятельной. Когда прибежала не менее испуганная мама, я держалась из последних сил, чтобы не заплакать. А мама обняла меня и, сдерживая слёзы, сказала: «Я думала, что тебя украли цыгане».

Ах, милые добрые времена, канувшие в лету! Как приятно вспоминать о том, что было, и как горько сознавать, что рядом нет уже тех людей, которые учили быть доброй и смелой, трудолюбивой и честной.

Мой дедушка Иван Матвеевич Раздобурдин служил на флоте Российской державы, а затем трудился в речном флоте, плавал на грузовых и пассажирских судах. А когда окончательно решил осесть на берегу, то поехал в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) и окончил курсы, где обучали мастерству лесосплава. До пенсии дедушка работал начальником лесостоянки Нечаиха Котласской сплавконторы.

До сих пор в деревне Степанидово, что рядом с Нечаихой, стоит дом, который построил мой легендарный дед, и в котором выросла моя мама вместе с братьями и сёстрами. У дедушки с бабушкой всегда было большое хозяйство: куры, козы, овцы, огород и капустник. Огород был рядом с домом, а капустник находился на берегу речки Стёпаницы – там всегда сажали капусту, лук и укроп. Иногда я тоже помогала сажать рассаду, но мне это быстро надоедало, и я шла к речке, вставала на доску, служившую мостиком, и смотрела на бегущую и сверкающую

на солнце воду. На мелководье плавали быстрые мальки, а по дну медленно передвигались жуки-ручейники, таща на себе палочки и травинки.

Мой легендарный дед Раздобурдин Иван Матвеевич. Фото: архив Милены Стилл

Местность, где до сих пор находится деревня, довольно-таки холмистая и вероятно, близость реки способствует тому, что из земли начинают бить ключи. В памяти всплывает воспоминание... Мне пять лет, мы идём с бабушкой по тропинке между двумя косогорами. От цветов и разнотравья исходит невероятный аромат, вокруг целыми стайками летают маленькие синие мотыльки.

На косогоре среди травы из-под земли вырывается фонтанчик воды. Кто-то заботливо огородил этот природный источник, сделал небольшую ступеньку и положил дощечку. На неё бабушка ставит ковшик, и вода маленькой струйкой начинает наполнять емкость. Я удивляюсь, что вода, которая течёт из земли, чистая и прозрачная. Бабушка мне первой даёт попробовать необычной водицы, а потом сам делает несколько глотков и крикает от удовольствия. Родниковая вода оказывается очень холодной, но вкусной.

Моё сердце навсегда приросло к этому месту, ведь почти каждое лето я проводила в деревне, где жили мои предки. Купалась в Северной Двине и речке Стёпаница, помогала пасти деревенских коз и ходила с бабушкой Марией Гавриловной за грибами и ягодами, окучивала картошку, которая на севере вырастает необыкновенно вкусной, и собирала милые букетики из васильков и ромашек.

А в этот приезд я ещё наслаждалась северными БЕЛЫМИ НОЧАМИ, которые обычно бывают здесь с середины июня и до начала июля. Невероятное природное явление! О нём можно долго рассказывать, но лучше всё-таки увидеть собственными глазами, чтобы на себе ощутить, что время будто остановилось. Ведь привычной ночи не было, а уже наступил новый день.

Сегодняшний Котлас, где я пробыла всего неделю, порадовал чистотой, новыми обжитыми микрорайонами, красивыми парками и большими торговыми центрами. А ещё у города появился интересный символ «КОТ ЛАСКОВЫЙ». Это серия из десяти скульптур котов, уста-

новленных по всему городу, с QR-кодами и аудиогuidaми, с помощью которых туристы могут получать информацию о Котласе и его достопримечательностях.

Конечно, невозможно за короткое время посмотреть всё, что предлагают экскурсионные маршруты. Но будет следующее лето, и обязательно будет новая поездка в город, где навсегда осталось моё детство.

Мой славный и родной Котлас, желаю тебе хорошесть и развиваться с каждым годом. Я приеду обязательно ещё. Фото: архив Милены Стилл

Байкальская валюта

Марина Успенская

У многих воспоминания о Советском Союзе связаны отнюдь не со вкусом пломбира, а с многочасовыми очередями. А какие очереди были самыми длинными? Конечно, за водкой. В иных местах они превращались в настоящие кровавые побоища. В битву за водку включались не только заурядные алкаши, но и совершеннейшие трезвенники – водка становилась крепчайшей национальной валютой, ею можно было расплатиться с сантехником, грузчиком, обменять на продукты. Особенно нуждался в зелёном змие народ из удалённых от Москвы мест: туда её доставляли нечасто.

Мы с моим другом Васей как раз и собирались в один из таких далёких прекрасных уголков нашей Родины – на Байкал. Потому готовились самым тщательнейшим образом – отстояли несколько километровых очередей и стали обладателями восьми литров «Столичной». Сколько это было в переводе на рубли, нам ещё предстояло узнать.

Путь был задуман из Свердловска (Екатеринбург) самолётом до Иркутска, а дальше до Баргузина на каком-нибудь кораблике через Байкал.

Июльский день в Иркутске был холодным и дождливым, а горизонт в направлении Усть-Баргузина сиял ярко-синим небосводом. Нам туда! Порт изумил нагромождением лодок и судов разного калибра. Моё богатое от природы воображение уже рисовало картину, как я в голубом, развевающемся от лёгкого бриза сарафане стою на палубе белоснежного лайнера и плыву к заветной мечте. «Славное море, священный Байкал...»

После утомительных расспросов и поисков нам, наконец, указали на судно, единственное из всех способное доставить нас по требованию.

Капитан «Жозефины» – облезлого, выдавшего виды грузового баркаса, совершенно не оправдывающего своего романтического имени – с видом непревзойдённого достоинства взирал на нас сверху. Хотя капитан выглядел несколько комично – коротышка-толстяк чисто бурятской внешности со словно приклеенной дымящейся трубкой в углу рта – мы оробели и, заикаясь, жестами, словно глухонемые, изложили свою просьбу. Повелитель «Жозефины» молча пыхтел люлькой, сощутив и без того узкие глаза, произнёс одно слово: «Валюта?». «Есть, есть», – радостно закивали мы. Величавый наклон головы с трубкой означал одобрение. Матрос с баркаса предупредил, что отплытие через два часа, принял наши рюкзаки, а мы, довольные, отправились в кафешку и заказали бурятские «позы» – большие пельмени. Но через два часа на судне был штиль – тишина, никакого движения. Сонный матрос пробубнил, что погрузки ещё не было, только в три. Не было и в три. Сказали прийти в шесть. Мы отправились погулять и вернулись даже раньше – в пять. И увидели, как «Жозефина» с нашими рюкзаками шлёпает уже метрах в трёхстах от берега. Кричать, махать руками было бесполезно. Мы кинулись к ближайшей моторной лодке, нервно стали объяснять хозяину, что нужно догнать вон ту посудину. Мужик хладнокровно выслушал нашу сбивчивую тираду и только начал произносить «валю...», как мы хором заорали: «Есть! Есть!» и нахально запрыгнули в лодку. Лодочник не торопясь, с важным видом дёргал верёвку, чтобы завести мотор. Получилось с сотого раза, лодка вздыбилась, желая, видимо, скинуть нас в воду, и ринулась в погоню за баркасом. Когда оставалось метров сто, и мы уже широко заулыбались, мотор вдруг заглох, выпустив вонючее грязное облако. «Жозефина» кокетливо удалялась. Но потом, неожиданно для нас, плавно и красиво развернувшись, поплыла в нашу сторону.

Неуклюже забравшись на борт по раскачивающейся верёвочной лестнице, мы подверглись насмешкам и наказанию: за то, что про нас просто-напросто забыли, мы должны были заплатить двойной тариф. Мы были не против, хотя ещё не понимали – сколько это.

Голубой сарафан не пригодился. И без него вершилось волшебство. Две субстанции – вода и небо, слившись в симфонию, пленили, проникали в мозг и в душу и заставляли быть покорной и ничтожной перед своим великолепием. Гипноз, совершаемый природой, был настолько силён, что перед глазами заплясали видения: причудливые старинные замки, затажно скачущие кони. Разыгравшаяся феерия кровавого заката совсем меня лишила сознания, и когда «Жозефина» слегка накренилась, я безвольно грохнулась на палубу.

«Всё, довольно, – сказал мой друг, поднимая меня и посмеиваясь над моей чувствительностью, – ты устала, идём спать». В кубрике, где уже давно спал весь состав команды, нам отвели две койки. Вася забрался на второй ярус и тотчас же захрапел в унисон с матросами. Я прослушала эту джазовую композицию спящих не больше десяти минут, задохнулась от стойкого запаха пота и нечистых носков и вылетела снова на палубу.

Быстро стемнело, почувствовался ветер. «Шелонник» – послышалось рядом. Капитан, с неизменно пыхтящей трубкой, повторил: «Шелонник. Дует с запада, хороший будет день». Голос капитана был ещё смешнее, чем он сам – писклявый, как у мультипликационного персонажа. «Давай-ка, неси свою валюту. Надо». «Вы же на работе», – попыталась возразить я, но всё же порылась в рюкзаке и достала алюминиевую фляжку. У капитана во внутреннем кармане его белого кителя оказалась маленькая рюмашка. «Петрович», – опрокинув зелье и крикнув от наслаждения, представился он. Ну надо же – Петрович! Как слесарь какой. Пятьдесят грамм развязали Петровичу язык, и всю ночь я просидела, слушая и не слушая одну за другой байки морского волка, вглядываясь в тёмную загадочную глубину озера.

День и вправду оказался солнечным и жарким. Плыли до ночи, созерцая прозрачную, нежно-бирюзового цвета воду, прибрежные камни фантастических форм, поросшие зелёным лесом утёсы или, словно на экваторе, золотопесчаные отмели.

Глубокой ночью «Жозефина» выгрузила нас в чёрную дыру, задребезжала рындой на прощание и исчезла. Мы с Васей в полной темноте и неизвестности, спотыкаясь на каждом шагу, добрались до непонятно чего, на ощупь похожего на лес. Вспомнили, наконец, что у нас есть фонарик. При свете огляделись – действительно лесок. Собрали веточек, зажгли костёр. Хорошо. Было уж задремали, но услышали хруст веток. Вася предположил, что это байкальский медведь. «Возьми головёшку», – сказал он, вооружаясь котелком. Напугавший нас гость оказался тоненьким юношей, почти мальчишкой, в форме милиционера. «Кто такие, однако? – строго прозвенел он. – Здесь, однако, запрещено разжигать костёр!» Мы стали оправдываться, что не знали, только что приехали, что костёр окопали траншеей. «Утром зайдёте в отделение, оформим штраф, однако», – упорствовал служитель закона. Но сделав паузу, несколько смущённо добавил: «Но можно и здесь. Валюта есть?» Мы уже знали, что 50—100 грамм валюты решают все проблемы и делают людей братьями. «Алтан», – дружелюбно протягивая ладонь назвался юноша и достал из кармана рюмашечку.

На рассвете – картина маслом: все трое спим в братских объятиях, а обнаглевшие бурундуки растаскивают остатки трапезы. Однако!

Усть-Баргузин – большой посёлок, но нам он был интересен только наличием бани. Общей бани, однако, не оказалось, нам предложили частную и не за валюту даже, а так, по доброте душевной. В итоге мы провели в гостеприимном бурятском доме два дня: испробовали стряпни с местным колоритом, наслушались шаманской мистики, выпалились на воздушной перине. Душевные люди буряты, щедрые. Нам рассказали, как добраться

до райского местечка на берегу Байкала и как себя вести, чтобы не рассердить бурятских духов.

Поставили палатку в лесу, в травах, но очень скоро я почувствовала слабость и недомогание, сильно разболелась голова. Оказалось, что вокруг заросли багульника – тяжёлая штука для дыхания. Перенесли палатку на песок, к самой воде, обустроили костровище. Благодарь земная! Гармония воды, неба, солнца и нас – счастливых маугли! Присоединились к нашей компании два добрых духа в собачьем обличье, оба откликались на кличку Байкал.

Хотя мы не занимались никакими значимыми делами, дни пролетали быстро. Вася ловил мелкую рыбёшку для собак, писал акварелью пейзажи, сочинял стихи. Я лазила по окрестностям, собирала и сушила чабрец, плавала в хрустальной воде, готовила еду. Еда наша не была разнообразной – рыба. Зато какая! Попросили местного рыбака по имени Димит («Можно просто Дима», – разрешил он) привезти омуля за 100 грамм валюты, так он вывалил перед нами чуть ли не полную лодку только что выловленной рыбы. Дима посвятил меня в таинство приготовления трёх блюд из омуля. Омуль на рожнах: непотрошеного омуля насаживают на длинный прут, обязательно головой вниз и выставляют прутья вокруг костра. Это просто поэма! Можно есть, пока не лопнешь. Сагудай – пикантное блюдо из сырого филе свежайшего омуля, приправленного только перцем и солью. И третий – уха с кучей маленьких секретов. Хотя я и без секретов варила – всё равно вкусно.

Как-то, чистя рыбу на коленях, я порезала ногу. Рана воспалилась. Пошли лечиться на волшебные термальные источники за десять километров. Путешествие оказалось нелёгким. Лесная тропа терялась. Решили идти вдоль берега, чтобы не сбиться. В одном месте я угодила в зыбучие пески. Вася сначала потешался надо мной, наблюдая, как я медленно ухожу вглубь, а потом не на шутку испугался и при помощи брошенной палки пытался меня вытащить. Ничего не получалось, и он только в панике бегал туда-сюда и орал: «Только не шевелись! Не делай лишних движений!» Я и без движений погрузилась уже по колено. Было страшно. И вдруг, услышав стрекот мотора, я радостно встрепенулась: добрые духи послали помощь! Добрый дух в образе старого буряты подложил под себя какую-то плоскую штуку, подполз ко мне и с невероятной силой выдернул из плена. Всё произошло мгновенно, на адреналине, и встав уже на твёрдую почву, я не сразу заметила, что оказалась без штанов и кроссовок. Ещё одни штаны нашлись в рюкзаке, а вот обуви запасной не было. Мой спаситель подарил мне старые сапоги на пять размеров больше моего и великодушно предложил нас подбросить на своей моторке. Мы, конечно же, отблагодарили его валютой. Вообще резервы нашей признательности заметно таяли. А у меня росло чувство вины: получалось, что мы банально спаивали и без того редко трезвую нацию. В небольшом посёлке Лопатки, куда я бегала два километра за хлебом, проживало сильно пьющее население. Накачивались самопальным алкогольным напитком из молочной сыворотки «тарсун», но любили водку. Когда я появлялась в посёлке, дети окружали меня и кричали: «Архи! Архи!» (водка по-бурятски). Да, пили даже дети.

За весь месяц нашей релаксации не выпало ни единого дождика. И вот в последнюю ночь духи решили нас позабавить пышным феерическим шоу из небесного шторма. Собаки с визгом рванули в палатку при же первых оглушительных раскатах. Тяжёлый ливень заколотил по брезенту – обнаружилось, что наше убежище дырявое. Вчетвером, до нитки вымокшие, мы с восторгом и страхом наблюдали за грозой. И вдруг из ниоткуда образовался светящийся шар, с шелестом проскользил мимо нас метрах в пяти и растаял. Собаки завывали дуэтом, а мы просто очумели и не могли оторвать взгляда от того места, где только что увидели природное чудо. Незабываемый прощальный перформанс!

А утром нас ждал ещё сюрприз – танцующие нерпы прямо у нашего берега. Как жаль было расставаться со всеми этими чудесами, прелестным пейзажем, с нашими собаками.

Но отпуск заканчивался, а мы ещё собирались посетить самый известный в России Иволгинский дацан. В те годы мы с другом увлекались буддизмом, поэтому очень хотелось. Решили, что самолётом комфортнее будет. Спрашиваем у местных:

– Аэропорт в Усть-Баргузине есть?

– Есть, однако.

– До Улан-Уде летают?

– Хм... – и непонятная усмешка.

Добрались всё же до полянки с покосившимся сарайчиком, увенчанным табличкой «Аэропорт».

– Нам два билета до Улан-Уде, – прокричали мы в тусклое стекло окошечка очень симпатичной молодой бурятке.

– Людей не возим, – ответила девушка. – У нас грузовой транспорт, однако.

Мы горячо принялись уговаривать королеву аэропорта взять нас хотя бы и в грузовой самолёт.

– Валюта есть, – выложил последний довод Вася, боясь, что такое предложение оскорбит красавицу. Но попал в точку! Девушка оживилась и без тени смущения конкретно озвучила цену: «Пол-литра!» Ого! И вот нас сажают уже в небольшой грязный самолёт с боковыми лавками в салоне. «Пассажиры ещё будут?» – спросили мы у мужчины, влетающего в кабину пилота. «Сейчас будут» – и снова загадочная улыбка. Спустя несколько минут мы поняли, что их всех так веселило.

По заднему трапу гнали в самолёт стадо овец голов в тридцать. Полёт был ну очень экзотическим! Всякий раз, как самолёт кренило в ту или другую сторону, милые животные с криком «Беее!» валились то на нас, то напротив, испуганно при этом какая. Мы хохотали всю дорогу.

В посёлке Верхняя Иволга мы поселились в ветхом сарайчике во дворе такого же ветхого дома. Нас приняла пожилая женщина – очень высокая, очень худая, с серым усталым лицом. Долго изучала наши паспорта и взяла за проживание деньги, а не водку. Вскоре мы поняли, что кроме хозяйки здесь обитает ещё куча народа: её дочь – запойная распутница и её внуки – восемь неумытых и вечно голодных сорванцов. Восемь! Каждый раз, когда мы садились поесть, они как по команде собирались вокруг стола и жадно смотрели на еду. Куда бы мы не следовали, дети гуськом семенили за нами. Так вот на пять дней мы стали им няньками и кормильцами. Вообще бедность в посёлке была ужасная. Грязь, нищета и пьянство. И это в двух шагах от светлого и одухотворённого храма. Сама хозяйка была очень верующей. Она показала свой дом – он был весь буквально наводнён буддийской атрибутикой: обереги, статуэтки, чётки, свечи, флажки – в глазах рябило. В отдельной маленькой комнатке был устроен алтарь. Но больше всего нас сразил рояль – настоящий большой чёрный рояль, занимавший всю комнату. Как только его затащили туда – непонятно. И зачем?! Оказалось, что это подарок детям одного из мужей матери-вертихвостки. Он никогда не платил алименты и рассчитался, стало быть, таким вот презентом. Однако.

Говорят, сейчас байкальская зона изменилась: много туристов, построены гостиницы, корабли ходят комфортабельные. Вместе с тем нещадно вырубаются леса, чистота воды уже под сомнением. Мы застали ещё первозданную красоту этого края, за что безгранично благодарны судьбе.

Путь Сантьяго: жизнь в миниатюре

Наталья Мясникова

«Я пилигрим, я все могу!» – пыхтел себе под нос Марко, бодро орудуя скандинавскими палками. Лил дождь, но ему, похоже, было всё равно, несмотря на то, что сандалии промокли насквозь.

Я плелась позади, тихонько плакала от усталости и ненавидела его. Ближайший альберге был в десяти километрах пути, и в тот момент я проклинала свою безумную идею. Но отступить было уже некуда.

Уже потом я узнаю, что Марко идёт Путь Сантьяго уже в четвёртый раз. Я узнаю о том, что тяжело только первые три дня, а на четвёртый буду так же бодро шагать, несмотря на дождь и 15—20 км за спиной. Но это будет потом. А сейчас я плетусь, тихонько плачу и проклиная свою затею.

Я, если честно, до сих пор не знаю, почему я решила туда отправиться.

Путь Сантьяго – это старинная дорога пилигримов, известная со средневековья. Она ведет через Европу в испанский город Сантьяго де Компостела*, где в главном соборе хранятся мощи апостола Иакова.

**Сантьяго-де-Компостела является третьим по значению (после Иерусалима и Рима) городом христианского мира.*

Маршрутов – огромное количество, они проходят почти через все города Европы, так что стартовать можно из разных точек. Отличительная особенность Пути – это жёлтые стрелки, которые указывают направление.

Сейчас на этот Путь отправляются не только из религиозных соображений. Одни идут, чтобы побыть наедине с собой и найти ответы. Другие – посмотреть чудесные виды. Третьи – с экскурсиями, чтобы изучить историю.

Идея захватила меня, когда сначала одна знакомая сделала это, а потом и ещё одна.

Но так часто бывает – мы видим, как кто-то делает что-то крутое, и в голове сразу вспыхивает: «О, я тоже так хочу!» Поэтому я не стала торопиться, наклеила картинку на свой коллаж желаний и занялась обычной жизнью.

Желание пройти Путь не витало постоянно в воздухе, но нет-нет да и напоминало о себе. А у меня – как у всех: работа, ребёнок, кредиты, куча дел и всё как-то «руки не доходят»

В какой-то момент, когда в голове в очередной раз всплыло смутное «Хочу туда!», я поняла, что ждать подходящего момента – бессмысленно. А мне туда надо. Не знаю почему и зачем, но надо. И я решила – иду!

Выбрала Португальский маршрут за его близость к океану и относительно небольшую продолжительность: всего 240 км и примерно 12 дней. Пристроила сына в детский лагерь, купила билеты и собрала рюкзак.

Несмотря на то, что я решила не строить ожиданий и открыться тому опыту, который меня ждёт, Путь Сантьяго всё-таки представлялся мне чем-то очень романтичным: природа,

шум океана и я, наедине с собой и своей душой. Почему-то казалось, что я буду много думать о смыслах, о жизни и других высоких материях.

На деле всё вышло гораздо прозаичнее.

Всё, о чём я мечтала в первый день – добраться до альберге, скинуть рюкзак, мокрую одежду и засунуть себя в горячий душ. Да, и поесть чего-нибудь. И бокал вина. А лучше два.

На второй день я молила всех известных мне богов о том, чтобы кончился дождь.

На третий – снова мечтала о еде и горячем душе.

И так постоянно.

Большую часть дня занимает дорога. В самый первый день я совершила ошибку, наивно предположив, что при средней скорости пять километров в час я пройду тридцать километров за шесть часов. Здесь, на Пути, математика не работает. Времени, по сути, вообще не существует.

Иногда застреваешь в чудесном месте. Как можно торопиться, когда рядом шумит океан? Или когда попадаешь в сказочный лес с невообразимыми ароматами, высокими эвкалиптами и такой желанной прохладой?

Иногда идёшь быстро, напевая себе под нос. Иногда – плетёшься еле-еле, потому что за спиной уже двадцать километров, а ты уже давно больше двух в день не ходила. Некоторые участки пути пролетают на одном дыхании, а в некоторых проклинаешь всё на свете, потому что приходится топать в гору по ужасной жаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.